

KRYUCHKOVA, Natalya Dmitrievna
associate professor
North-Caucasus Federal University
Institute of Mathematics and Natural Sciences
email: intist08nk@yandex.ru

FEMALE EMIGRATION IN THE BRITISH EMPIRE IN THE LATE XIXTH AND EARLY XXTH CENTURIES IN ASSESSMENTS OF MODERN RESEARCHERS

ABSTRACT

This paper is aimed to consider the issue of the intra-imperial emigration of single British women in the late 19th – early 20th centuries in gender and imperial studies. The views of contemporary scholars on various aspects of female emigration movement such as the ideology of female emigration, the functions of women as “builders of the Empire”, the organizations and organizers of emigration, the influence of the female emigration movement on the British society are presented in the article. The author concludes that almost all researchers recognized the importance of female emigration as the essential component of the imperial project aimed at strengthening ties with settlement colonies, and at the same time its role in widening the limits of “women`s sphere”, and in providing new opportunities for female self-realization. The article outlines the directions for future researches of the problem of female emigration in the 19th-20th centuries.

Keywords: historiography, empire, settlement colonies, emigration, single women, civilizing mission, gender roles.

В поздневикторианскую и эдвардианскую эпохи империализм доминировал в жизни Британии. Он проникал и в политическую, и в социальную, и в экономическую жизнь общества. К пропаганде идеи империи были подключены церковь, система образования, пресса, наука. Имперская идея транслировалась в общество в масштабах, не имевших прецедента в британской истории. Мало кто в этот период сомневался в необходимости и пользе империализма.

Публицистика, художественная литература прославляли «героев» и «строителей» империи, экзотические приключения этих благородных и честных людей приобретали ореол колониальной романтики. Одновременно складывалось представление об империи как о символически мужском пространстве, дискурс о котором формировали термины «героизма», «силы», «доми-

нирования» и «контроля». Женщина выступала скорее антиподом империи – слабая, зависимая, не способная на решительные действия, она символизировала другое жизненное пространство – дом, семью, тыл.

В историографии империализма такое представление об империи доминировало до 1980-х гг. До этого времени историки империи и ученые, работавшие в области женских исследований, функционировали в интеллектуальной изоляции. «Традиционные» историки империи с большим нежеланием связывались с «женской» историей, вследствие чего участие женщин в империализме недооценивалось. Феминистские исследователи практически не учитывали имперский контекст в своих работах. Они больше были сосредоточены на женской активности и женской самореализации как таковых. Ситуация изменилась после появления работы Э. Саида «Ориентализм» (1978), трансформировавшей представление об изучении империализма и колониализма. Работа Саида поддерживала маскулинный миф империи, «ориентализм» был представлен как мужская сфера. Отсутствие внимания к гендерной составляющей вызвало критику сторонниц феминистского подхода, одновременно работа привлекла их внимание к империи и колониальному дискурсу.

В последние 15-20 лет в британская феминистская критика во многом развивается в рамках имперской истории. Использование гендера как аналитической категории наряду с категориями класс и раса позволило по-новому взглянуть на историю Британской империи и самой Британии. Реконструируя опыт белых женщин в колониях, анализируя их деятельность и статус, исследователи пришли к выводу о неопределенности положения женщин на имперских территориях как «нижестоящего пола в вышестоящей расе», что определяло одновременно и их соучастие, и сопротивление колониальной идеологии¹. Другие исследователи акцентировали внимание на том, что империализм оформлял гендерную идеологию и практику как колонизируемых, так и колонизаторов. Тема взаимоотношения британских и туземных женщин – одна из наиболее популярных. Исследования данного направления часто проводятся в рамках имагологии. Изображение колониальной «Другой», беспомощной и зависимой, требующей защиты, подтверждало властные позиции британских женщин. Они приобретали полномочия говорить от имени своих колониальных сестер.

Появилось много исследований транснациональных аспектов суфражистского движения, причем до недавнего времени преобладали исследования «имперских сетей» между метрополией и колониями, главным образом Индией. Связи с доминионами в поле зрения исследователей попадали гораздо реже, хотя в последнее время обращения к этому направлению женского сотрудничества участились.

Все феминистские исследователи сходятся на том, что Британская империя обеспечивала женщинам из среднего класса шанс оформить свою политическую идентичность. Она предоставляла возможность проявлять свое влия-

ние в кампаниях за реформы в колониях, образовательных проектах и т.д. Либеральные феминистки претендовали на участие в политической жизни государства через свою роль реформаторов империи. Клэр Миджли даже выводит происхождение британского феминизма из имперского контекста: рассматривая колониальные связи англичанок в конце XVIII – начале XIX вв., она делает вывод о воздействии колониализма на теорию и практику раннего феминистского движения². Сходные мысли высказывает и Антуанетта Бёртон, говоря о том, что «организованный феминизм в Британии возник в контексте викторианского и эдвардианского империализма»³.

Логичным результатом усилившегося интереса со стороны ученых к проектам, связанным с гендером и империей, стало проведение научных исследований того, что составляло самую востребованную часть женской активности в империи – организации женской эмиграции в колонии и доминионы. В конце XIX – начале XX вв. имперская пропаганда делала упор не столько на цветные колонии и на завоевание новых территорий, сколько на самоуправляющиеся колонии белых поселенцев и на имперскую реорганизацию. Поэтому исследования по женской эмиграции, в отличие от многих других работ по проблеме гендер-империя, сконцентрированы не на Азии и Африке, а на Канаде, Австралии, Новой Зеландии, Южной Африке, составляющих основные миграционные маршруты конца XIX – начала XX вв.

Исследования эмиграции женщин в колонии и доминионы самым тесным образом связаны с разработкой проблемы идеологии женского империализма. Эта проблема рассматривается или хотя бы затрагивается абсолютно во всех исследованиях по эмиграции. Основу женской империалистической идеологии составляла концепция цивилизаторской миссии женщины. Благодаря своей способности к моральному, религиозному влиянию, к филантропии женщины должны были помочь сделать будущее мест, где «годами безраздельно властвовали полуварварство, регресс и невежество» «эрой Цивилизации, Прогресса и Света». По мере того как сама Британская империя переходила, как заявлялось, от «эпохи завоеваний и авторитарного правления к эпохе заботы и консолидации»⁴, мужчины и женщины приобретали разные обязательства перед империей. Мужчины становились защитниками империи, а женщины – хранительницами и распространительницами британских культурных ценностей.

Исследователи, занимающиеся эмиграцией, неизменно подчеркивают значение цивилизаторской риторики в эмигрантском дискурсе. Картер Хэнсон, исследующий литературу для английских эмигрантов из среднего класса в Канаде⁵, отмечает, что к концу XIX в. она становится все более гендерно обусловленной. В историях для мальчиков Канада представляла местом деятельности, которая формировала из эмигранта настоящего мужчину, активного, напористого, утверждающего свой порядок. Истории для девочек в этот период подчеркивали роль женщин-эмигранток как цивилизующую и

мужчин-эмигрантов, и туземное население. Их готовили к исполнению функции матери по отношению к колониальным народам, доброжелательно, но твердо наставляющей туземцев на путь истины.

Материнский троп был связан не только с цивилизаторской миссией, но и с идеей «имперского материнства». Анна Дэвин еще в конце 1970-х гг. опубликовала работу под названием «Империализм и материнство», где доказала усиление значения женского потенциала для британского империализма конца XIX – начала XX в. Экономическое и имперское преобладание Великобритании, писала она, все больше связывалось с количеством британских граждан, что актуализировало значение традиционных гендерных ролей женщины⁶. Увеличение, насколько это возможно, количества британцев, особенно проживающих на территории Империи, становилось для женщин исполнением национального долга, расового долга, служением империи.

Сэнди Крогалски отмечает амбивалентность положения одиноких женщин. С одной стороны, из-за того что материнство обладало таким высоким статусом, одинокие бездетные женщины лишались какой-либо социальной ценности. Но, с другой стороны, они являли собой потенциальных «жен и матерей английской расы». Их перспективы стать «агентами имперского влияния» Великобритания были намного более значительными, чем перспективы замужних женщин, которые могли только сопровождать мужей в поездках по империи⁷.

Женская эмиграция становилась не просто способом разрешения внутренних проблем (регулирования гендерного дисбаланса) в Британии или личных проблем женщин, но способом служения расе. Британские эмигрантки исполняли задачу укрепления мистического единства империи, становившейся все более обширной и гетерогенной. Они должны были усиливать интеграционные процессы в отношениях между метрополией и белыми переселенческими колониями (доминионами).

Несмотря на то что большинство эмигрировавших составляли женщины из низов общества, а леди из среднего класса находились в незначительном меньшинстве, в основном все исследователи, занимающиеся проблемой гендер-империя, пишут именно о последних. Самая первая книга Джеймса Хаммертона по истории женской эмиграции, появившаяся еще в 1979 г. и в течение десятилетия остававшаяся единственной книгой данного направления, называлась «Эмигрирующие леди: благородная бедность и женская эмиграция, 1840-1914 гг.». Опыт эмиграции одиноких женщин из среднего класса служил в работе Хаммертона иллюстрацией ограниченности стереотипа «бедствующей леди»⁸. В дальнейшем тема эмигрирующих обедневших леди практически не сходила со страниц работ об эмиграции. Это во многом объясняется тем, что британские организаторы эмиграции в XIX и XX вв. проявляли повышенный интерес к осуществлению выезда женщин из среднего класса, даже несмотря на то что их партнеры в колониях и доминио-

нах относились к этому более чем прохладно. В пропагандистских журналах этого периода содержались многочисленные слезливые истории о гувернантках, прибывших на новую родину лишь с одним платьем и одной сменой белья в саквояже. Джулия Буш объясняет эту привязанность к леди сочувствием, солидарностью с ними (поскольку те, кто организовывал выезд, сами принадлежали к среднему классу), традиционно феминистским интересом к женщинам, которым трудно найти возможность заработка, в отличие от работниц⁹.

Рита Кранидис объясняет упор эмиграционной пропаганды на женщин из среднего класса тем, что эмиграция женщин из рабочего класса имела мало символической ценности, поскольку они не отождествлялись с империей¹⁰. Британские ценности должны были передавать те женщины, которые воплощали эти ценности, – женщины из среднего класса. Представительницы низших классов – таково было мнение широких кругов викторианского общества – были намного более склонны к порокам, чем их сестры из среднего класса. Перед организаторами стояла задача отбора, по выражению Дж. Буш, «правильного сорта» женщин для колоний, женщин, не только физически способных вынести тяжелую колониальную жизнь, но и обладающих высокими моральными качествами, помогающими преодолеть все искушения, подстерегающие их в мужском окружении колоний. Только они могли стать настоящими партнерами и товарищами своих мужей, только они могли нести свет нравственности туземным народам. Такие женщины соответствовали «высоким стандартам британской расы». В данной позиции явственно прослеживается влияние евгеники. И хотя сами колонии и доминионы не испытывали потребности в «леди», а нуждались в бедных трудолюбивых девушках, способных стать домашней прислугой, внимание акцентировалось не на них¹¹.

Интересный подход к этому вопросу прослеживается в работе Дженет Майерс¹². Она изучает деятельность Общества эмиграции женщин из среднего класса, возглавляемого Марией Рай и Джейн Левин. Эта организация, отчетливо феминистская по своим целям и задачам, отвергала идею женской цивилизаторской миссии, заменяя ее идеей женских прав и женской самореализации в колониях. В то же самое время лидеры этой организации уделяли чрезвычайно большое внимание дистанцированию своих эмигранток, «правильной группы девушек», от эмигранток из низшего класса, дабы избежать социальной и моральной деградации и для повышения респектабельности эмиграции как таковой. Анализируя на основе писем эмигранток лидерам Общества коллективные и индивидуальные стратегии поддержания классовых отличий и морального превосходства, Дженет Майерс приходит к выводу, что эти стратегии в итоге служили укреплению Британского имперского проекта.

Контроль морали и поведения эмигранток представлялся важным фактором успеха имперского предприятия. Этот контроль включал неусыпный надзор с того момента, когда одинокая женщина обращалась за помощью в

то или иное общество, в течение всего времени переезда и до того момента, когда женщина находила работу. Джейн Готард исследует этот период жизни эмигранток, направлявшихся в Австралию¹³. Она сопоставляет усилия организаторов женской эмиграции контролировать мораль и поведение эмигранток из рабочего класса с желаниями самих девушек. Готард говорит о том, насколько проблемным было соотношение между личным выбором и подчинением в судьбах неимущих мигранток, которым оказывали помощь при переезде. В отличие от представительниц среднего класса, исследуемых Майерс, объекты исследования Готард не были ориентированы на поддержание морального превосходства и чаще прибегали к стратегиям уклонения от морального надзора. Для британской стороны столь сильное стремление контролировать девушек было частью имперского проекта, для австралийской, полагает Готард, оно было нацелено на выгоды среднего класса. Чиновники и наниматели старались охранить этих женщин от присутствия предпологаемо хищных мужчин для того, чтобы гарантировать годность к работе новых партий домашней прислуги.

Эмиграцию можно считать главной формой участия женщин в имперской политике. «Строителями империи» становились не только женщины, непосредственно выезжавшие в колонии и доминионы, но и те, кто организовывал их выезд. Достаточно много работ посвящено обществам и личностям, занимавшимся организацией эмиграции. Здесь хотелось бы выделить работы двух ученых – Джулии Буш¹⁴ и Лизы Чилтон.¹⁵ Обе исследовательницы занимаются изучением наиболее крупных эмиграционных организаций второй половины XIX в. Они не рассматривают каждую организацию в отдельности, а исследуют их деятельность комплексно, уделяя особое внимание позициям руководящей элиты. Изучение организационных практик и деятельности лидеров эмиграционных обществ в работах Чилтон и Буш проводится с целью выяснения женских имперских представлений и женского взгляда на женский вклад в империю.

Оба автора приходят к выводу о сочетаемости стремления к женской самореализации и желания внести свой вклад в консолидацию империи. Однако Лиза Чилтон делает больший акцент на феминистской составляющей деятельности эмиграционных имперских обществ. Она замечает, что принимая на себя традиционные роли мужчин как защитников женщин и экспертов в имперских вопросах, организаторы эмиграции находили способ заявить о себе в публичной сфере, расширить границы «женского пространства»; их навыки социальных контактов и управления давали им авторитет и власть, недостижимые иным образом. Джулия Буш, не отрицая данных мотивов руководства эмиграционным движением, акцентирует внимание на имперской составляющей их деятельности. В работе она уделяет значительно большее внимание именно имперским, а не феминистским организациям, таким, например, как крупнейшая Ассоциация эмиграции женщин Британии. Буш

подчеркивает стремление организаторов эмиграции внести свой вклад в строительство империи, она говорит, что первостепенной задачей для них было «распространение поселенцев британской породы» в доминионах.

Работа Лизы Чилтон – одна из немногих, в которых присутствуют элементы компаративного анализа миграционных дестинаций. Лиза Чилтон пытается рассмотреть гендерную политику имперской миграции, сравнивая взаимодействие заинтересованных групп в Британии, Австралии и Канаде. В ходе исследования она обнаружила чрезвычайно мало отличий опыта организации эмиграции в Канаде и Австралии (главное заключается в различном отношении власти, представленной мужчинами, к женским эмиграционным организациям). Схожего результата добилась и Мишель Лэнгфилд, проводя сравнительный анализ женской миграции в Канаду и Австралию¹⁶.

Несомненно, что компаративистика необходима при исследовании самых разных аспектов эмиграции одиноких женщин. Она способна дать значительно более глубокое понимание проблемы, чем исследование отдельно взятой страны. В историографии эмиграции традиционно предпочтение отдавалось определенным направлениям эмиграции. Даже те авторы, которые, как, например, Джеймс Хаммертон или Рита Кранидис, рассматривают различные направления эмиграционных потоков, представляют мало сравнительного анализа. Интересно было бы включить в сравнение южноафриканское направление. Отдельной темой исследования могло бы быть сравнение не только организации эмиграции, но и того, как складывались судьбы эмигранток после устройства в разных доминионах, какие факторы оказывались решающими при трудоустройстве, как происходила их адаптация к жизни в колониях. Здесь определенные сложности может вызвать источниковая база. Если источники, касающиеся процесса эмиграции, в виде отчетов эмиграционных обществ представлены достаточно равномерно по разным направлениям, то очень часто после прибытия и обустройства на месте назначения следы мигранток теряются. Письма на родину родным и близким, переписка с организаторами эмиграции представляют лишь фрагменты миграционного опыта и неравномерно освещают его в различных колониях и доминионах.

Исследователи эмиграции одиноких британских женщин поднимают интересные и актуальные вопросы, связанные с гендерным измерением имперской активности, однако они не очень активно применяют методологическую базу более широкого и давно развивающегося направления – истории миграции. Очень интересно было бы применить к изучению опыта колониальной жизни эмигранток теоретические разработки Кристианы Харзиг и Донны Габаччия. Исследовательницы отказываются от рассмотрения транснациональной миграции как линейного и однонаправленного процесса с началом в одной культуре и концом – в другой, сценария, в котором мигрант старался приспособиться к другой культуре, создавая собственную двойную идентичность. Они пересматривают прежнюю историю миграции в сторону исследо-

вания более сложной группы альянсов, опыта, властных структур и культурных идентичностей и их взаимоотношений и взаимодействия¹⁷.

Однако заслуги исследователей женской миграции в трансформации наших представлений о Британской империи и империализме, действительно, велики. Они показывают нам разноплановость, разновекторность имперской политики, которая ранее воспринималась как принесение цивилизации на штыках. Одновременно они меняют наши представления о женской истории. Викторианские женщины уже не предстают пассивными жертвами мужского доминирования, втиснутыми в узкие рамки «милого дома». При несомненной ограниченности гендерными барьерами они находили возможности действовать как агенты, создающие собственные культурные пространства и транслирующие имперские идеи и представления.

ПРИМЕЧАНИЯ/NOTES

1. Western Women and Imperialism (199): Complicity and Resistance / ed. by N. Chaudhuri and M. Strobel. Bloomington, 276 p.
2. Midgley, C. (2007): *Feminism and Empire: Women Activists in Imperial Britain, 1790-1865*. L.: Routledge, 206 p.
3. Burton, A. (1994): *Burdens of History: British Feminists, Indian Women, and Imperial Culture, 1865-1915*. Chapel Hill-L.: Un-ty of North Carolina Press, 301 p. P.1.
4. Bush, J. (1994): "The Right Sort of Woman": Female Emigrants and Emigration to the British Empire, 1890-1910 // *Women's History Review*. V.3 (3). P.405.
5. Hanson, C.F. (2009): *Emigration, Nation, Vocation: The Literature of English Emigration to Canada, 1825-1900*. East Lansing: Michigan State Un-ty Press, 194 p.
6. Davin, A. (1978): *Imperialism and Motherhood* // *History Workshop Journal*. V.5 (1). Pp. 9-62.
7. Krogulski, S.: *Turning a Curse into a Blessing: Propaganda and the Emigration of British Single Women* // *CONCEPT – An interdisciplinary journal of graduate studies Villanova University*. – URL: <http://concept.journals.villanova.edu/article/view/328>.
8. Hammerton, A.J. (1979): *Emigrant Gentlewomen: Genteel Poverty and Female Emigration, 1830-1914*. L.: Croom Helm, 220 p.
9. Bush, J. (1994) Pp. 385-409.
10. Kranidis, R.S. (1999): *The Victorian Spinster and Colonial Emigration: Contested Subjects*. N-Y.: St. Martin's Press, 228 p. P. 36.
11. Bush, J. (1994) Pp. 385-409.
12. Myers, J.C. (2001): *Performing the Voyage Out: Victorian Female Emigration and the Class Dynamics of Displacement* // *Victorian Literature and Culture*. V.29 (1). Pp. 129-146.
13. Gothard, J. (2001): *Blue China: Single Female Migration to Colonial Australia*. Carlton

- South, Vic.: Melbourne Un-ty Press, 2001. 298 p.
14. Bush, J. (2000): *Edwardian Ladies and Imperial Power*. L.: Leicester Un-ty Press, 242 p.
 15. Chilton, L. (2007): *Agents of Empire: British Female Migration to Canada and Australia, 1860-1930*. Toronto: Un-ty of Toronto press, 240 p.
 16. Langfield, M. (2002): "A Chance to Bloom": Female Migration and Salvationists in Australia and Canada, 1890s to 1939 // *Australian Feminist Studies*. V. 17 (39). Pp. 287-303.
 17. Harzig, C. (2003): *Women Migrants as Global and Local Agents: New Research Strategies on Gender and Migration / Women, Gender and Labour Migration: Historical and Global Perspective / ed. by R. Sharp*. L.: Routledge, 2001. Pp.15-28; Gabaccia D. *Italy's Many Diasporas*. L.: Routledge, 288 p.